

Novosti Dnya. 1905, March 16, p. 8.

Новости Дня. 1905, 16 марта, с. 8.

In Concerts.

The 7th Symphony Assembly of the Philharmonic Society showed us S. V. Rachmaninoff as a symphony conductor.

His debut promises to be that of a first-class conductor. His interpretations of works are distinguished by extraordinary simplicity and naturalness, the absence of pretentiousness and any cheap effects; everything comes out whole, clear, and logical; there is much refined beauty, a tinge of life; there are powerful passages, captivating, astounding. But there are also indifferent passages, during which the listener experiences a decline in mood and lets the sounds pass in one ear and out the other. A far cry from the continuous captivating effect with which the sorcerer Nikisch amazed. There are also minor technical carelessnesses: too fast tempos at the expense of clarity, voices that are too loud in terms of overall sonority, monotony of phrasing. But all this occurs only occasionally and accidentally and does not detract from the overall impression of freshness and, as it were, rebirth of the performance, especially when it comes to long-familiar and even hackneyed works, like Grieg's suite "Peer Gynt"; and we mention all these shortcomings only because we expect immeasurably more from Rachmaninoff in the future.

We especially enjoyed his interpretation of the Andante from Tchaikovsky's 5th Symphony that was performed. In the first theme of this movement, with a slower tempo and accentuation of the strong parts (which, at the first performance of this symphony, under the direction of the composer himself, remained in our memory), there was a sense of some unpleasant senile flabbiness. This impression was now completely absent, thanks to the simplicity and nobility of the phrasing. In the further course of this beautiful, deeply felt movement, much poetry and profound sincerity were revealed. The finale was also superbly performed, taken, perhaps, a little faster than usual, but only benefited from this.

Rachmaninoff conducted brilliantly the introduction to the 3rd act of the opera "Lohengrin". In the finale of Grieg's aforementioned suite, a huge accelerando was carried through to the end with astonishing effect—carried to a speed that excluded even the possibility of clarity, but produced a gripping effect and evoked thunderous applause. We were less satisfied with "Ases Tod." It was grandiose, but not elegiac enough. The conductor overlooked the fact that Ibsen's "Asa" is not a heroine, but merely a pitiful, downtrodden old woman, dying in mournful solitude in a poor hovel. All the tones here could have been dampened almost in half, rather than merging these plaintive sighs into a common sound wave, which might be more beautiful, but would not lead to the right goal.

The talented violin virtuoso K. K. Grigorovich, who has already performed before the Moscow public more than once and who has now become a member of our musical community, made a charming impression on the public this time too, especially with his artistic rendering of Wagner's Albumblatt and the Berceuse from Godard's opera Jocelyn. His performance of the very difficult Concerto (op. 3) by Moszkowski turned out to be a work of insignificance in musical terms. It is nothing but elegantly designed musical empty talk, which, however, provides rich material for the manifestation of virtuosity.

Grigorovich's very brilliant and self-confident technique was here, however, not without sin. The bass often "pipered" and hissing sonorities burst forth from the high notes; something slipped by and quite noticeably, since it was not tempted by musical interest; in general, compared to before, the artist's tone, perhaps - depending on the instrument - lost both strength and purity. That is to say, this impression was only achieved when performing technically difficult pieces. In the cantilena, his tone is superb, his strokes light and smooth, his phrasing impeccable, graceful, and expressive, and his tone, with its delicate nuances, is

surprisingly soft. Despite some apparent carelessness in minor technical details, Grigorovich undoubtedly remains a virtuoso of the first magnitude and a major artistic force, producing a captivating effect on the audience, and all his performances were greeted with bursts of applause. E. Rosenov.

[Translation: Google]

Въ Концертахъ.

7-е симфоническое собраніе Филармоническаго общества показало намъ С. В. Рахманинова, какъ симфоническаго дирижера.

Дебютъ его сулитъ намъ первоклас-снаго дирижера. Его толкованія произ-веденій отличаются необыкновенной про-стотой и естественностью, отсутствіемъ вычуръ и какихъ-либо дешевыхъ эффектовъ; все у него выходитъ цѣльно, ясно и ло-гично; много утонченныхъ красотъ, много жизни; встрѣчаются мѣста сильныя, захватывающія, поражающія. Но попадаются пока и мѣста безразличныя, равнодушныя, во время которыхъ слушатель испытыва-етъ упадокъ настроенія и пропускаетъ звуки мимо ушей, Далеко еще до того непрерывнаго захвата, которымъ поражаѣтъ чародѣй-Никишъ. Встрѣчаются и мален кія техническія небрежности: слишкомъ быстрые темпы въ ущербъ ясности, забытые общей звучностью выразительныя голоса, однотонность фразировки. Но все это встрѣчается лишь изрѣдка и случайно и не иѣшаетъ общему впечатлѣнію свѣжести и какъ бы перерожденія исполняемаго, въ особенности когда дѣло идетъ о давно знакомыхъ и даже избитыхъ произведеніяхъ, вродѣ сюиты "Peer Gynt" Грига; и обо всѣхъ этихъ недочетахъ мы упоминаемъ лишь потому, что ожидаемъ отъ Рахманинова въ будущемъ еще неизмѣримо большаго.

Особенно намъ поправилось въ его толкованій Andante изъ исполнявшейся 5-й симфоніи Чайковскаго. Въ первой темѣ этой части при болѣе медленномъ темпѣ и акцентированій сильныхъ частей (которыя при первомъ исполненіи этой симфоніи, подъ управленіемъ самого автора остались у насъ въ памяти, чувствовалась какая-то непріятная старческая дряблость. Впечатлѣніе это нынѣ совершенно отсутствовало, благодаря простотѣ и благородству фразировки. Въ дальнѣйшемъ теченіи этой прекрасной, глубоко прочувствованной части было проявлено много поэзіи и глубокой искренности. Пре-восходно исполненъ былъ и финалъ, взя-тый, быть можетъ, нѣсколько скорѣе обыкновеннаго, но отъ этого лишь выиграв-шій. Съ блескомъ продирижировалъ Рахманиновъ антрактомъ къ 3-му акту изъ оп. «Лоэнгринъ». Въ финалъ названной выше сюиты Грига съ удивительнымъ эффектомъ было проведено до конца огромное *accelerando*, - доведенное до быстроты, исключавшей даже возможность ясности, но производившей захватывающее дѣйствіе и вызвавшей громъ рукоплесканій. Менѣе удовлетворило насъ «Ases Tod». Было грандіозно, но недостаточно элегично. Ди-рижеръ упустилъ изъ виду, что ибсеновская «Аза»-не героиня, а лишь жалкая забитая старушка, умирающая въ скорбномъ одиночествѣ въ бѣдной лачуть. Всѣ тона здѣсь можно бы погасить чуть ли не вдвое, а не сплавлять этихъ жалобныхъ вздоховъ въ общую звуковую волну, что, быть можетъ, и красивѣе, но не къ той цѣли ведетъ.

Не разъ уже выступавшій передъ московской публикой талантливый скрипачъ-виртуозъ К. К. Григоровичъ, отнынѣ вошедшій въ составъ нашихъ музыкальныхъ дѣятелей, произ-велъ на публику и на этотъ разъ обая-тельное впечатлѣніе, въ особенности художественной передачей «Albumblatt»'а Вагнера и «Berceuse»'а изъ оп. «Jocelyn» Годара. Исполненный же имъ весьма труд-ный концертъ (ор. 3) Мошковскаго оказался произведеніемъ въ музыкальномъ отношеніи ничтожнымъ. Это - сплошное изящно-оформленное музыкальное пусто-словіе, дающее, впрочемъ, богатый матеріалъ для

проявленія виртуозности. Весьма блестящая и самоуверенная техника Григоровича была здѣсь, однако, не безъ грѣха. Часто «рынѣль» басокъ и вырывались свистящія звучности на верхахъ; кое-что проскальзывало мимо и довольно замѣтно, такъ какъ пе-
искушалось музыкальнымъ интересомъ; вообще, сравнительно съ прежнимъ, тонъ артиста, быть можетъ, въ зависимости отъ ин-струмента, — потерялъ и въ силу, и чисто-тѣ. Впечатлѣніе это, впрочемъ, получалось лишь при исполненіи техническихъ трудно-стей. Въ кантиленѣ — звукъ его превосходенъ, штрихъ легокъ и плавенъ, фразировка безукоризненна, изящна и выразительна и тонъ въ нѣжныхъ оттѣнкахъ удивительно мягокъ. Несмотря на явившуюся нѣкоторую небрежность въ мелкихъ техническихъ деталяхъ, Григоровичъ несомнѣнно остается виртуозомъ первой величины и круп-ной артистической силой, производящей чарующее дѣйствіе на публику, и всѣ исполненія его были покрываемы взрыва-ми рукоплесканій.

Э. Розеновъ.